

УДК 398.21

DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-10-25

Ремарка в сказочном и несказочном тексте: проблема речевого жанра

Виктория А. Черванёва

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, viktoriya-chervaneva@yandex.ru*

Аннотация. В статье поднимается проблема речежанрового статуса комментариев к устному тексту – тех ремарок, которыми рассказчик сопровождает свое повествование. На материале сказочной и несказочной прозы исследуется вопрос об определении границ этих элементов и их отношений с собственно фольклорным текстом, на базе которого они возникают и существуют. Выявляются принципиальные различия между комментарием в сказке и в мифологическом рассказе и причины этих различий. Установлено, что ключевым параметром, разграничивающим текст фольклорного нарратива и комментария, является образ автора – изменение статуса субъекта речи меняет жанр. Также важно, что с каждым типом субъекта соотнесен определенный, соответствующий ему хронотоп как конституирующий признак субъекта речи.

Проблема отношений ремарок рассказчика с повествовательным текстом обсуждается с использованием методологии теории речевых жанров. Комментарий рассказчика предлагается рассматривать как элемент (микрожанр) макрожанра «интервью/беседа», прорывающийся в фольклорный текст (вторичный жанр). Присущий разговорной речи и, соответственно, макрожанру «беседа» речевой дейктический режим проявляет себя и в ремарках рассказчика, что сразу маркирует «выход» говорящего из сказочного текста в реальную коммуникативную ситуацию, тогда как в случае с мифологическими рассказами это незаметно из-за схождения модальности и дейксиса этих текстов с речевым субстратом.

Ключевые слова: речевой жанр, сказка, мифологический рассказ, комментарий, образ автора

Дата поступления статьи: 08 сентября 2023 г.

Дата одобрения рецензентами: 15 октября 2023 г.

Дата публикации: 26 июня 2024 г.

Для цитирования: Черванёва В.А. Ремарка в сказочном и несказочном тексте: проблема речевого жанра // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 2. С. 10–25. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-10-25

Remarque in fairy tale and non-fairy tale text: the problem of speech genre

Victoria A. Chervaneva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, viktoriya-chervaneva@yandex.ru*

Abstract. The article raises the problem of the speech-genre status of remarks, by which the narrator accompanies his or her narration. The question of the boundaries of these elements and their relations with the folklore text (fairy tale and non-fairy tale prose), on the basis of which they arise and exist, is investigated. The principal differences between commentary in a fairy tale and in a mythological story and the reasons for these differences are revealed. It is established that the key parameter distinguishing the text of folktale narrative and commentary is the image of the author, as the change of the status of the subject of speech changes the genre. It is also important that each type of subject is correlated with a certain chronotope corresponding to it as a constitutive feature of the subject of speech.

The problem of the relationship of the narrator's remarks with the narrative text is discussed using the methodology of speech genre theory. It is proposed to consider the narrator's commentary as an element (microgenre) of the macro-genre "interview/conversation", breaking through into the folklore text (secondary genre). The speech deictic mode inherent to colloquial speech and, accordingly, to the macro-genre "conversation" manifests itself in the narrator's remarks, which immediately marks the speaker's "exit" from the fairy-tale text into a real communicative situation, whereas in the case of mythological stories it is imperceptible due to the similarity of the modality and deixis of these texts with the speech substratum.

Keywords: speech genre, fairy tale, mythological story, commentary, author's image

Received: September 08, 2023

Approved after reviewing: October 15, 2023

Date of publication: June 26, 2024

For citation: Chervaneva, V.A. (2024), "Remarque in fairy tale and non-fairy tale text: the problem of speech genre", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 2, pp. 10–25, DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-10-25

Рассмотрение ремарок, которыми рассказчик сопровождает свое повествование, с точки зрения речевой организации текста стало возможным как научная проблема и самостоятельный предмет исследования в фольклористике сравнительно недавно – в последние десятилетия, в рамках ставшего актуальным коммуникативно ориентированного изучения фольклорного текста как речевого высказывания с учетом коммуникативной ситуации, ее особенностей и составляющих ее компонентов. Предтечей этого направления был К.В. Чистов, еще в середине прошлого века призывавший изучать фольклорный текст как элемент речевой среды, а не устный аналог литературного текста (переизд.: [Чистов 2005]); дальнейшее, особенно плодотворное развитие этот подход получил затем в трудах по прагматике фольклора [Адоньева 2004; Левкиевская 2006; Левкиевская 2008; Веселова 2003; Мигунова 2002].

К сказочному материалу коммуникативный подход впервые был применен в конце 90-х годов прошлого века в работах Н.М. Герасимовой [Герасимова 1995; Герасимова 1997; переизд.: Герасимова 2012]. Исследовательница рассмотрела сказку прежде всего как речевую деятельность и, в частности, обратилась к анализу элементов текста, не относящихся непосредственно к сказочному нарративу: присказок, концовок («постсказок», по ее выражению), обращенных к слушателям ремарок, задающих сказочные «правила игры» и таким образом маркирующих конвенциональные границы ситуации. Н.М. Герасимова показала, что эти элементы выполняют важную коммуникативную функцию, а именно «переносят» слушателей в «иной» мир, служат маркером «инаковости» сказочных пространства и времени и их противопоставленности реальной, актуальной ситуации рассказывания сказки, в которой присутствует реальный сказочник и его аудитория.

Принятые в настоящее время принципы записи фольклорного текста, во многом обусловленные новыми техническими возможностями фиксации устной речи, предполагают полную расшифровку текста. Таким образом, вся коммуникативная ситуация записи попадает в поле зрения исследователя. И, изучая сказки, мы можем рассматривать текстовые элементы и другого рода – комментарии и пояснения сказочника к тексту, не связанные непосредственно со структурой сказочного повествования, но имеющие непосредственное отношение к ситуации речи. Раньше такого рода

элементы вычищались при подготовке текста к публикации или даже, скорее, не фиксировались в условиях ручной записи. Но и сейчас, несмотря на изменение концепции публикации фольклорных материалов, со всей очевидностью ощущается отграниченность попутных комментариев исполнителя от текста сказки, их «иноприродность» – при публикации, как правило, такие элементы приводятся в скобках, ср.:

– Вот так зверь к нам пришёл – Кот Котофеевич! Такого мы сроду не видывали!

(Уж я не знаю: папа мне всё да бабушка рассказывала, да вот такие сказки. Сама что-нибудь придумает, а они слушают, дети.) (СЦР, № 21).

Девочка всё: и в хате приберёт там у них, и сготовит йим, и водички принесёт. Вот старик со старухой не могли нарадоваться. Уж они старенькие были, сами не могли ничего делать. (Я забыла.) (СЦР, № 123).

В связи с этим перед исследователем встает вопрос о речевом статусе комментариев сказочника в рамках фольклорного текста и о факторах, обуславливающих ощущение границ этих элементов. Для решения проблемы, полагаю, будет продуктивным использование методологического инструментария теории речевых жанров, а также привлечение сопоставительного материала – несказочной прозы. Эмпирическим материалом для изучения послужили сказки, опубликованные фольклористом из ИМЛИ РАН Е.А. Самодоловой (СЦР), и мифологические рассказы из архива Лаборатории фольклористики РГГУ (материал собран в Каргопольском районе Архангельской области в 1993–2011 гг.). Это источники аутентичного материала, соответствующие всем современным требованиям: здесь не только зафиксированы собственно фольклорные тексты в традиционном понимании, но и отражена ситуация записи, в том числе комментарии исполнителя, реплики собирателя и других участников беседы.

Перейдем к предмету анализа.

С одной стороны, интуитивно вполне понятно, о чем идет речь, когда говорится о комментарии рассказчика к своему тексту. Но, с другой стороны, постановка в научной плоскости проблемы статуса этих речевых фрагментов обнаруживает массу вопросов и белых пятен: в частности, определение границ этих элементов, их отношений с повествовательным текстом, на базе которого они возникают и существуют, характер зависимости от жанровой природы этого базового («материнского») текста. Совершенно очевидно, что комментарий – это субжанр, который не может

существовать самостоятельно, а только в привязке к основному тексту. И также очевидно, что комментарий в сказке и комментарий в мифологическом рассказе весьма различны. Выявление этих принципиальных различий и входит в задачи настоящей статьи.

Чем может быть полезна исследователю в данном случае теория речевых жанров?

В современных жанроведческих работах [Арутюнова 1992; Борисова 2009; Дементьев 2010; Дементьев 2015; Балашова, Дементьев 2022; Федосюк 1997; Шмелева 1997] предлагаются различные схемы описания речевых жанров (далее – РЖ), вычленяются жанрообразующие признаки и выстраивается их иерархия. При этом ведущими критериями выделения того или иного РЖ большинством исследователей признаются коммуникативная цель текста, образ говорящего, образ адресата, тема речи, языковое воплощение текста.

Для анализа фольклорного материала я воспользуюсь одной из универсальных и наиболее часто цитируемых схем описания РЖ – моделью, разработанной Т.В. Шмелевой [Шмелева 1997]. По мнению Т.В. Шмелевой, РЖ формируется рядом обязательных параметров, в число которых входит: 1) коммуникативная цель; 2) образ автора; 3) образ адресата; 4) образ прошлого; 5) образ будущего; 6) диктумное содержание; 7) языковое воплощение.

Основным жанрообразующим признаком Т.В. Шмелева считает коммуникативную цель текста, на основе этого признака она выделяет четыре типа РЖ – информативные, императивные, этикетные, оценочные.

Коммуникативной целью комментария сказочника к своему тексту следует признать информативную, по крайней мере как основную. Но в общем, полагаю, можно говорить о целом комплексе целей, и это предмет отдельного исследования.

Такие параметры, как образ автора (говорящего) и образ адресата (слушателя в нашем случае), всегда выступают в связке, на фоне друг друга. Под образом автора и адресата понимается информация «о нем как об участнике общения, которая “заложена” в типовой проект РЖ, обеспечивая ему успешное осуществление» [Шмелева 1997, с. 92–93]. Так, РЖ «приказ» предполагает наличие полномочий у автора, а «жалоба» – у адресата. Как кажется, и в сказке, и в мифологическом рассказе у говорящего (исполнителя, информанта) основным признаком является право на исполнение, которое делегируют ему окружающие, право на речь; таким образом, основное свойство адресата, соответственно, прежде всего заинтересованность в информации, которую рассказчик ему сообщает.

По определению Т.В. Шмелевой, образ прошлого – параметр, различающий речевые жанры инициальные, начинающие общение, и реактивные (например, ответ, отказ, согласие и т. д.), которые могут появляться только после определенного речевого действия-стимула. Образ будущего предполагает дальнейшее развитие речевых событий (например, речевой жанр приглашения), реакцию адресата. Таким образом, это параметры, связанные с прагматическим эффектом речи.

Параметр диктумного содержания (т. е. собственно фактическое, событийное содержание текста) чувствителен к жанровому характеру текста, и, казалось бы, здесь проходит основной водораздел – пограничная линия, отделяющая текст сказительской ремарки от собственно фольклорного повествования. Это особенно хорошо видно в сказке, диктумное содержание которой составляет собственно сказочный сюжет, тогда как комментарии сказочника разнообразны по тематике и касаются самых разных предметов. В исследуемом нами корпусе содержание ремарок исполнителя составляют:

1) интерпретация сюжета:

Это лиса с волком встречались. Вот. *И она это, как всегда, хитрая, а волк – простофиля*¹ [СЦР, № 6];

Как ни кричал на помощь коту петух – кот ни слов, ни крика не услышал. Так утатила лиса петуха. *Эта сказка поставлена на соблазнительность, чтобы люди не соблазнились и не верили на все данные приманки* [СЦР, № 19];

2) обстоятельства знакомства рассказчика с сюжетом сказки:

Жили-были в лесу. Была избушка такая, и в ней жили петушок и котик. *(Мы, внуки, затаив дыхание, слушаем.)* И вот всё жили они, жили [СЦР, № 17];

Заинтересовался – выглянул. Его лиса-то и цап-царап, и потащила. Вот. Ой, закричал. *(Бабушка так. Мы все затаили дыхание: петушка-то жалко!)* [СЦР, № 17];

3) уточнения и самоисправления в ходе исполнения:

Вперёд к бабушке и прибежал. И, как говорят, бабушку съел, а брюхо выпустил, сам забрался на кровать. И внучка пришла: Вот, бабушка! А чего у тебя такие зубы-то?.. *(Нет, это было после.)* ...Глаза большие? [СЦР, № 80];

¹ Здесь и далее курсив мой. – В. Ч.

4) обстоятельства актуальной ситуации речи, не относящиеся непосредственно к тексту сказки:

И вот всё жили они, жили (*дай муху убью*), и однажды у них кончились дрова [СЦР, № 17].

Однако, как мне представляется, параметр содержания не является ведущим фактором, формирующим речевой жанр, так как пересказ сюжета сказки информантом (что часто происходит во время беседы по просьбе собирателя) сказкой не является, хотя диктумное содержание этих текстов в целом совпадает. Ср.:

Ну, я уж тут немножко даже Вам пропустил. Даже это она опять яблоко, значит, опять киселя поела, опять яблоко съела и опять, значит, воды выпила. Поэтому это всё пропустил. Ну, иногда даже тоже не повторяют, а просто говорят: значит, речка её пропустила, яблоня её прикрыла и так далее. И она пришла домой.

(А Вы сказали ещё, что Баба-Яга летела. А на чём она летела? – Е. С.)

На ступе. Причём у неё, значит, она сидела на помеле – помело, а ноги у неё находились в ступе, и она летела на ступе [СЦР, № 100].

Очевидно, что приведенный выше текст – пересказ сказки, но не сказка как жанр: с речевой точки зрения он является именно фрагментом интервью, беседы.

Последний из выделяемых Т.В. Шмелевой параметр – языкового воплощения текста – является производным от остальных и обусловлен ими. Именно на нем хотелось бы остановиться подробнее как на материале анализа, а также на характеристиках «образ автора» и «образ адресата», которые, как кажется, и являются движущими факторами, своеобразными тумблерами, переключателями жанровой природы текста.

Н.М. Герасимова в своем анализе сказки как речевого жанра высказала следующее соображение об «образе автора» как речежанровом параметре сказочного текста: «В русской фольклорной традиции Сказочник обладает триединым статусом: он реальный рассказчик, создатель сказочной “картины мира” и герой сказки» [Герасимова 2012, с. 80]. Следует пояснить, что под «сказочником как героем сказки» имеется в виду тот, кто в сказке называет себя «я» – «у кого по усам текло, а в рот не попало», т. е., по сути, это герои сказочных концовок («постсказок», по Н.М. Герасимовой) и зачинов-присказок. «Сказочник как реальный рассказчик» – это собственно исполнитель со своими физическими характеристиками, тот, кто общается со своей аудиторией и называет себя «я» в реальной коммуникативной ситуации рассказывания сказки,

тогда как «создатель сказочной картины мира» в тексте сказки себя не проявляет, стоит за пределами сказочного мира, однако обладает свойством авторского «всеведения».

Как мне представляется, утверждение о «триединстве» указанных субъектов речи, столь различных по своим характеристикам, весьма противоречиво и может быть принято лишь отчасти – в применении к коммуникативной ситуации рассказывания сказки, но не к собственно сказке как речевому жанру. Изменение статуса субъекта речи меняет жанр: «создатель сказочной картины мира» соответствует собственно сказке, герой сказки – присказке и «постсказке», реальный рассказчик проявляет себя в ремарках (комментариях), которые являются составной частью гипержанра «беседа», свойственного разговорной речи. И кроме того, важно, что с каждым типом субъекта соотнесен определенный, соответствующий ему хронотоп как неотъемлемый, конституирующий признак субъекта речи, а также свои роли: герой в зачине и концовке – субъект осознаваемого перформанса, нарратор сказки – субъект неосознаваемого перформанса, реальный говорящий в комментарии – вышедший из состояния перформанса, из своей роли, из состояния исполнения в актуальную ситуацию речи, в «здесь и сейчас» ситуации взаимодействия с адресатом. Ср. пример подобного «выхода из роли»:

Вдруг Алёнушка отвернулася – братец – овечка, братец Иванушка напилса и стал козлёночком.

А дальше вы уже знаете. (Нет, мы не знаем, что дальше было! – В. З.)

А дальше колдуньи за ними пришли. А колдунья за ними вслед наблюдала [СЦР, № 88].

Хотелось бы обратить внимание, что этот «выход» из сказочного текста в реальную коммуникативную ситуацию всегда меняет грамматику текста, а именно: в тексте начинает использоваться речевой дейктический режим [Падучева 1996, с. 265–271; Успенский 2011] – появляются местоимения 1-го и 2-го лица, соотносимые с участниками речевой ситуации, и соответствующие формы глаголов (ср.: «*я уж тут немножко даже Вам пропустил*» [СЦР, № 100]; «*А дальше вы уже знаете*» [СЦР, № 88]), временные и пространственные локализаторы становятся ориентированы на время и место коммуникативной ситуации записи сказки (ср.: «*Вот как сейчас говорят, вот так и есть*» [СЦР, № 30]). Для ремарок характерен субъект с хронотопом «здесь и сейчас», а это, как известно, хронотоп канонической речевой ситуации (термин Дж. Лайонза [Lyons 1977, p. 637]), присущий разговорной речи, повседневному общению.

Такая грамматическая организация текста, разумеется, не свойственна сказочному нарративу с его собственным сказочным хронотопом и экзегетическим нарратором, находящимся за пределами сказочного мира и не имеющим в нем собственной пространственно-временной позиции. Именно поэтому речевые фрагменты с ремарками сказителя так отчетливо выделяются в тексте и ощущаются как инородные элементы и, соответственно, при публикации заключаются в скобки, отделяющие их от собственно сказочного повествования.

Что же касается мифологического рассказа, здесь, на мой взгляд, отделить комментарий рассказчика от текста повествования весьма сложно: речевые фрагменты с семантикой пояснения, интерпретации, попутного замечания, как правило, имеют самое непосредственное отношение к содержанию нарратива и плотно «вшиты» в текст рассказа, составляют с ним единую ткань (конечно, если это не ответы на дополнительные вопросы собирателя – в таком случае ремарки рассказчика являются уже элементами вопросно-ответного единства).

Если принять идею И.С. Веселовой о речевом исполнении мифологического рассказа как перформансе [Веселова 2023], то следует уточнить, что это перформанс другого рода, чем исполнителя сказки – текста с установкой на вымысел, воспроизводимого в особой коммуникативной ситуации, участники которой осознают сказочную условность и принимают как данность недостоверность текста. В ситуации экспликации мифологического рассказа, как мне кажется, не происходит изменения хронотопа, выхода из условности в реальность: рассказывая о событиях прошлого, говорящий тем не менее всегда сохраняет пространственно-временную ориентацию в рамках актуальной ситуации коммуникации.

Примеры свидетельствуют, что все обозначения времени, места, действующих лиц в мифологическом нарративе осуществляются из точки «момент речи» – как в повествовании о мифологическом событии, так и в обрамляющих фрагментах и вставных пояснениях, ремарках. Это становится очевидным в текстах, которые содержат речевые фрагменты с семантикой, сходной с приводимыми выше комментариями в сказке (т. е. с интерпретацией сюжета, указанием источника текста и обстоятельств знакомства с ним, характеристикой ситуации речи – места, времени и т. д.). Ср.:

Две девчонки потонуло вот здесь вот. И после как они потонули, в одном месте и чуть подальше, мельница была, и сейчас вот так крутит всё время. Воду крутят. Старики говорят: «Леший камень». *Леший, короче, их понёс, мать их послала к лешему. Мать их послала,*

што понеси вас леший. Вот они туда пошли, потонули обе. И вот сейчас в этом месте стоит водоворот (инф. ПВК, Ухта, 1996).

Не знаю, может, сказки это, что мама рассказывала, что в <?> шёл этот самый и унёс, три дня не было мальчишки. А потом, грит, меня носил дяденька на плечах <нрзб.> Не так, как здесь, <в Карелии> (инф. ФЛИ, Печниково-Олехово, 1997).

А я пошла корову доить, а идёт пастух – *здесь пасли совхозных коров* – от он и говорит: «Што, Олександровна, о чём задумалась?» «Да я, – говорю, – от овец уж к третьей ночи нету». «Иди, – говорит, – домой, овцы придут». *Што уж пастух, наверно знал немножко* (инф. СОА, Бор-Самсоново, 1996).

Таким образом, характерного для ремарки сказочника выхода в «здесь и сейчас» не происходит, поскольку «здесь и сейчас» – это и есть законный хронотоп для рассказчика былички (см. подробно об этом: [Черванёва 2019; Черванёва 2020; Черванёва 2023]), он остается все время в одном пространственно-временном плане и идентичен себе самому. Вряд ли мы имеем дело с двумя разными субъектами в нарративе и в попутном замечании или поясняющем фрагменте, по крайней мере, ничего в грамматике текста об этом не свидетельствует.

Думаю, что напрашивается вывод о речевом единстве мифологического текста – даже поверья и поверьеобразные фрагменты, которыми изобилуют тексты мифологических рассказов, являются их органической частью и не могут быть отделены от всего текста именно потому, что все элементы этого текста ориентированы на актуальную ситуацию речи и имеют один и тот же речевой субъект («образ автора»).

Итак, именно параметр субъекта («образа автора») выступает ключевым фактором переклечения жанровой природы текста.

Вернемся к ремаркам исполнителя в сказке. Отличный от собственно сказочного текста речежанровый статус этих элементов ставит вопрос о характере их соотношения с «материнским» текстом, в рамках которого они существуют и выявляются. Решение этой проблемы, как кажется, может лежать в следующей плоскости.

Текст, который мы опознаем как фольклорный, не существует в вакууме, он всегда погружен в речевую среду, мы его вычленим из потока речи (ср.: мысль С.Б. Адоньевой о том, что говорящий в фольклоре не «автор», но «актор» – «автор речевого события», а не текста [Адоньева 2004, с. 56]).

Уже первые классификации речевых жанров в русистике были ориентированы на учет того речевого континуума, в котором

функционирует тот или иной РЖ. Так, классификация Н.Д. Арутюновой предполагает пять типов РЖ в зависимости от типа диалога, в котором используется этот жанр [Арутюнова 1992, с. 53–55].

В дальнейшем эта проблема разрабатывалась разными способами, с использованием различной терминологии: как соотношение первичных и вторичных жанров – с помощью моделей, где один жанр является элементом другого (гипержанр – жанр; макрожанр – микрожанр; и т. п.), как соотношение речевых и коммуникативных (речесобытийных) жанров (см. подробно обзор подходов в [Дементьев 2010]). К примеру, И.Н. Борисова предлагает типологию диалогических макрожанров (женская болтовня, мужской треп, травля анекдотов (баек, историй), спор ради развлечения и т. п.), в рамках которых существуют монологические микрожанры: шутка, анекдот, рассказ-пластинка, повествование и т. п. [Борисова 2009, с. 61].

Таким образом, фольклорный текст (однозначно «вторичный» РЖ, в понимании М.М. Бахтина [Бахтин 1996, с. 161–162]) находится в речевом субстрате, который можно определить как макрожанр интервью или беседы, и комментарии, ремарки говорящего – органическая часть этого речевого «бульона», постоянно «выплескивающегося» на поверхность. В этом проявляется ситуация актуальной коммуникации – режим информирования, присущий интервью и обусловленный его иллокутивной целью. И если в случае с мифологическими рассказами границы между этими элементами незаметны из-за сходства модальности и дейкиса этих текстов с речевой средой, то в сказках они очевидны.

Фольклорному тексту свойственна погруженность в диалог, в разговорный дискурс. Учет этого обстоятельства закономерно приводит к решению поставленного выше вопроса о характере соотношения ремарок сказочника с текстом сказки несколько парадоксальным образом: не комментарий существует внутри сказки, а сказка – внутри комментария, вернее той среды, элементом (микрожанром) которой он является и которая в такой форме прорывается в текст вторичного жанра «сказка». Следовательно, говорить о тексте сказки как «материнском» по отношению к ремарке сказочника не вполне корректно при обсуждении речежанрового статуса этих текстов.

Подведем итоги.

Применение методологии теории речевых жанров к ремаркам рассказчика в сказках и мифологических рассказах приводит к выводу об «образе автора» (статусе субъекта речи) как ведущем факторе, формирующем речевой жанр. С каждым типом субъекта соотнесен определенный хронотоп и соответствующий дейкти-

ческий режим. Так, для ремарки рассказчика – независимо от того, в рамках какого текста она появляется, – свойствен речевой дейксис, присущий спонтанной разговорной речи. Комментарий говорящего в сказочном и несказочном тексте различается характером соотношения текста с речевым континуумом, на базе которого существует фольклорный текст, что проявляется в значимой маркированности комментариев в сказке и фактическом отсутствии демаркационной линии в мифологических нарративах.

Список информантов

ПВК – Попов Василий Клавдиевич, 1966 г. р., с. Ухта, д. Песок.

ФЛИ – Фаркова Людмила Ивановна, 1953 г. р., с. Печниково, д. Олехово.

СОА – Сергеева Олимпиада Александровна, 1926 г. р., с. Бор, д. Самоново.

Список сокращений

СЦР – Сказки Центральной России в конце XX – начале XXI в. в записях Е.А. Самоделовой и друзей-фольклористов: тексты / Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2013. Вып. 51. Т. 1. 249 с.

Литература

Адоньева 2004 – *Адоньева С.Б.* Прагматика фольклора. СПб.: СПбГУ; Амфора, 2004. 312 с.

Арутюнова 1992 – *Арутюнова Н.Д.* Жанры общения // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис / отв. ред. Т.В. Булыгина. М.: Наука, 1992. С. 52–56.

Балашова, Дементьев 2022 – *Балашова Л.В., Дементьев В.В.* Русские речевые жанры. М.: Языки славянских культур, 2022. 831 с.

Бахтин 1996 – *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5: Работы 1940 – начала 1960-х гг. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 159–206.

Борисова 2009 – *Борисова И.Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. М.: Либроком, 2009. 320 с.

Веселова 2003 – *Веселова И.С.* Прагматика устного рассказа // Современный городской фольклор / под ред. А.Ф. Белоусова, И.С. Веселовой, С.Ю. Неклюдова. М.: РГГУ, 2003. С. 234–244.

Веселова 2023 – *Веселова И.С.* Как рассказывать хорошие истории и как их хорошо опубликовать // Комментарий как способ понимания

- устного текста внутри и вне фольклорной традиции: материалы круглого стола (Москва, РГГУ, 20 апреля 2023 г.) / сост. В.А. Черванёва. М.: РГГУ, 2023. С. 7–8.
- Герасимова 1995 – *Герасимова Н.М.* Фигура медиации в русской волшебной сказке // Кунсткамера: Этнографические тетради. Вып. 8–9 / под ред. М.Ф. Альбедиль. СПб.: Петербургское востоковедение, 1995. С. 241–250.
- Герасимова 1997 – *Герасимова Н.М.* Севернорусская сказка как речевой жанр // Бюллетень Фонетического фонда. Приложение № 6: Сказки Русского Севера / сост. С.Б. Адоньева, Н.М. Герасимова, А.Ю. Кастров, П.А. Скрелин, С.О. Тананайко. СПб.; Бохум: Рурский ун-т, 1997. С. 7–27.
- Герасимова 2012 – *Герасимова Н.М.* Прагматика текста: Фольклор. Литература. Культура. СПб.: РИИИ: СПбГУ, 2012. 364 с.
- Дементьев 2010 – *Дементьев В.В.* Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 594 с.
- Дементьев 2015 – *Дементьев В.В.* Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78–107.
- Левкиевская 2006 – *Левкиевская Е.Е.* Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Вып. 10: Семантика и прагматика текста / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2006. С. 150–214.
- Левкиевская 2008 – *Левкиевская Е.Е.* Быличка как речевой жанр // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня: Сб. статей в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности / сост. А.С. Архипова*, М.А. Гистер, А.В. Козьмин. М.: РГГУ, 2008. С. 341–363.
- Мигунова 2002 – *Мигунова Е.А.* К вопросу о функции мифологического рассказа // Традиционные модели в фольклоре, литературе, искусстве: В честь Наталии Михайловны Герасимовой / [сост. А.Г. Бобров, И.Ф. Данилова, Е.Л. Мадлевская, Е.В. Хворостьянова]. СПб.: Европейский дом, 2002. С. 243–252.
- Падучева 1996 – *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 1996. 464 с.
- Успенский 2011 – *Успенский Б.А.* Дейксис и вторичный семиозис в языке // Вопросы языкознания. 2011. № 2. С. 3–30.
- Федосюк 1997 – *Федосюк М.Ю.* Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.

* Минюст России внес А.С. Архипову в список «иностранных агентов».

- Черванёва 2019 – *Черванёва В.А.* Дейксис устных мифологических нарративов: о чем говорят формы первого лица? // Шаги/Steps. 2019. Т. 5. № 2. С. 36–52.
- Черванёва 2020 – *Черванёва В.А.* Фольклорный текст в режиме диалога: к вопросу о статусе языка фольклора // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. № 2. С. 72–87.
- Черванёва 2023 – *Черванёва В.А.* «Здесь вам не тут»: некоторые замечания о дейксисе устных мифологических рассказов // Филология и человек. 2023. № 1. С. 161–170.
- Чистов 2005 – *Чистов К.В.* Фольклор. Текст. Традиция. М.: ОГИ, 2005. 270 с.
- Шмелева 1997 – *Шмелева Т.В.* Модель речевого жанра // Жанры речи. Вып. 1. Саратов: Колледж, 1997. С. 88–98.
- Lyons 1977 – *Lyons J.* Semantics. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 897 p.

References

- Adon'eva, S.B. (2004), *Pragmatika fol'klora* [The pragmatics of folklore], SPbGU, Amfora, Saint Petersburg, Russia.
- Arutiunova, N.D. (1992), "Genres of communication", in Bulygina, T.V., ed., *Chelovecheskii faktor v yazyke: Kommunikatsiia, modal'nost', deiksis* [Human factor in language: Communication, modality, deixis], Nauka, Moscow, Russia, pp. 52–56.
- Bakhtin, M.M. (1996), "The problem of speech genres", in Bakhtin, M.M., *Sobranie sochinenii: V 5 t. T. 5: Raboty 1940 – nachala 1960-kh gg.* [collected works, 5 vols., vol. 5: Works of the 1940s – early 1960s], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia, pp. 159–206.
- Balashova, L.V. and Dement'ev, V.V. (2022), *Russkie rechevye zhanry* [Russian speech genres], Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia.
- Borisova, I.N. (2009), *Russkii razgovornyi dialog: struktura i dinamika* [Russian colloquial dialogue: structure and dynamics], Librokom, Moscow, Russia.
- Chervaneva, V.A. (2019), "Deixis of oral mythological narratives: What are first person forms talking about?", *Shagi/Steps*, vol. 5, no. 2, pp. 36–52.
- Chervaneva, V.A. (2020), "Folk text in dialogic mode: On the status of the language of folklore", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 3, no. 2, pp. 72–87.
- Chervaneva, V.A. (2023), "'You don't belong here': some notes on the deixis of oral mythological stories", *Philology and culture*, no. 1, pp. 161–170.
- Chistov, K.V. (2005), *Fol'klor. Tekst. Traditsiia* [Folklore. Text. Tradition], OGI, Moscow, Russia.
- Dement'ev, V.V. (2010), *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres], Znack, Moscow, Russia.

- Dement'ev, V.V. (2015), "Theory of speech genres and actual processes of modern speech", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 6, pp. 78–107.
- Fedosyuk, M.Yu. (1997), "Unresolved questions of the theory of speech genres", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 5, pp. 102–120.
- Gerasimova, N.M. (1995), "The figure of mediation in a Russian fairy tale", in Albedil, M.F., ed., *Kunstkamera: Etnograficheskie tetradi* [Kunstkamera: Ethnographic notebooks], iss. 8–9, Peterburgskoe vostokovedenie, Saint Petersburg, Russia, pp. 241–250.
- Gerasimova, N.M. (1997), "Northern Russian fairy tale as a speech genre", in Adon'eva, S.B., Gerasimova, N.M., Kastrov, A.Yu., Skrelin, P.A. and Tananaiko, S.O., comps., *Byulleten' Foneticheskogo fonda. Prilozhenie № 6: Skazki Russkogo Severa* [Bulletin of the Phonetic Fund. Appl. 6: Tales of the Russian North], Rurskii universitet, Bochum, Germany, Saint Petersburg, Russia, pp. 7–27.
- Gerasimova, N.M. (2012), *Pragmatika teksta. Fol'klor. Literatura. Kul'tura* [Pragmatics of the Text. Folklore. Literature. Culture], RIII, SPbGU, Saint Petersburg, Russia.
- Levkievskaya, E.E. (2006), "Pragmatics of the mythological text", in Tolstaya, S.M., ed., *Slavyanskii i balkanskii fol'klor, Vyp. 10: Semantika i pragmatika teksta* [Slavic and Balkan folklore, iss. 10: Semantics and pragmatics of the text], Indrik, Moscow, Russia, pp. 150–214.
- Levkievskaya, E.E. (2008), "Bylichka as a speech genre", in Arkhipova*, A.S., Gister, M.A. and Koz'min, A.V., eds., *Kirpichiki: fol'kloristika i kul'turnaya antropologiya segodnya: Sbornik statei v chest' 65-letiya S.Yu. Neklyudova i 40-letiya ego nauchnoi deyatel'nosti* [Bricks: folkloristics and cultural anthropology today. Digest of articles in honor of the 65th anniversary of S.Yu. Neklyudov and the 40th anniversary of his scientific activity], RGGU, Moscow, Russia, pp. 341–363.
- Lyons, J. (1977), *Semantics*, vol. 2, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Migunova, E.A. (2002), "On the question of the function of a mythological story", in Bobrov, A.G., Danilova, I.F., Madlevskaya, E.L. and Khvorost'yanova, E.V., eds., *Traditsionnye modeli v fol'klоре, literature, iskusstve: V chest' Natalii Mikhailovny Gerasimovoi* [Traditional models in folklore, literature, art: In honor of Natalia Mikhailovna Gerasimova], Evropeiskii dom, Saint Petersburg, Russia, pp. 243–252.
- Paducheva, E.V. (1996), *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic research. Semantics of time and aspect in the Russian language. Semantics of narrative], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Shmeleva, T.V. (1997), "Model of speech genre", *Genres of speech*, iss. 1, Kolledzh, Saratov, Russia, pp. 88–98.
- Uspenskii, B.A. (2011), "Deixis and secondary semiosis in the language", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 2, pp. 3–30.

- Veselova, I.S. (2003), "Pragmatics of oral story", in Belousov, A.F., Veselova, I.S. and Neklyudov, S.Yu., eds., *Sovremennyi gorodskoi fol'klor* [Contemporary urban folklore], Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, pp. 234–244.
- Veselova, I.S. (2023), "How to tell good stories and how to publish them well", in Chervaneva, V.A., comp., *Kommentarii kak sposob ponimaniya usnogo teksta vnutri i vne fol'klornoj traditsii: materialy kruglogo stola (Moskva, RGGU, 20 aprelya 2023 g.)* [Commentary as a way of understanding oral text inside and outside the folklore tradition: materials of the round table (Moscow, Russian State University for the Humanities, April 20, 2023)], RGGU, Moscow, Russia, pp. 7–8.

Информация об авторе

Виктория А. Черванёва, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; viktoriya-chervaneva@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-3091-6469

Information about the author

Victoria A. Chervaneva, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; viktoriya-chervaneva@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-3091-6469